

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ЛАДЫГИНА-КОТС

ВЫДАЮЩАЯСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА
ПСИХИЧЕСКОГО МИРА ЖИВОТНЫХ
(1889 – 1963)

Плоды научного творчества Н.Н. Ладыгиной-Котс уникальны. Ее капитальные труды: «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923), «Приспособительные моторные навыки макака в условиях эксперимента» (1926), «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935), «Развитие психики в процессе эволюции организмов» (1958), «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959), «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965), многочисленные статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях, а также не изданные до сих пор рукописи (в их числе книги «Инстинкт» и «Различение количества у животных») — это не только заметная глава нашей отечественной науки, но и нравственный образец научного поиска.

Надежда Николаевна была красавицей с одухотворенным лицом, пышной волной прекрасных волос. В молодости и в зрелые годы она романтично одевалась, бывала в обществе. С годами внешний облик Надежды Николаевны становился строже, но простота, грация и особый стиль радушного, но с сохранением некоторой дистанции обхождения великолепно воспитанной русской женщины конца XIX — начала XX в. сохранились в ней до последних дней ее жизни.

Вся ее жизнь прошла в труде и без малейшего намека даже в преклонные годы на неврастеническую несобранность. Колоссальный труд каждый день, но без заметных признаков усталости, когда бы к ней ни пришли ученики или сослуживцы. Если Надежда Николаевна болела, то обычно после недолгого пребывания в постели она перебиралась в кресло и продолжала работу за письменным столом либо, наоборот, бумаги перемещались в постель и удобно раскладывались по всей ее поверхности и рядом, чтобы быть под рукой. При этом ни тени демонстрации усердия или мученичества — все естественно, просто, по-деловому. Обстановка рабочего кабинета в том виде, как я застала его в начале пятидесятых и вплоть до кончины Надежды Николаевны, была необычной: она сочетала в себе рационализм и загадочность замковой библиотеки с романтизмом салона любителя искусства и редкостей и стремлением хозяйки сохранить на фотографиях каждый миг жизни — своей, членов семьи, тех великих, с кем она общалась. В наше время столь же романтичным был на моей памяти и служебный кабинет В.Б. Шкловского. В кабинете Надежды Николаевны веял дух музы науки и любви ко всему живому. Не случайно две литографии в старинных простых деревянных рамах (выше многих других) занимали центральное место на стене ее кабинета: Диана с

животными, любовно заглядывающими в ее лицо, и ангел, скорбящий над телами погибших птиц.

Жизнь и научная деятельность этого выдающегося ученого, незаурядной цельной личности, человека большого ума, такта и скромности могут служить примером для каждого, кто делает науку смыслом своей жизни.

Н.Н. Ладыгина-Котс родилась 19 мая 1889 г. в Пензе в семье бывшего крепостного крестьянина, позднее известного учителя музыки и пения Пензенского реального училища. Среднее образование она получила в Пензенской гимназии. В 1908 г. Надежда Николаевна поступила на Московские высшие женские курсы, которые окончила в 1917 г. В этот счастливый период своей жизни она путешествовала вместе со своим учителем и мужем А.Ф. Котсом по Европе, посещая знаменитые музеи, а также проводила эксперименты в основанной ею зоопсихологической лаборатории с макаком-резусом, собаками, попугаями и шимпанзе Иони.

С именем Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс связан расцвет отечественной и мировой психологии, приматологии и антропологии в разделе, касающемся антропогенеза. Ее заслуги в области зоопсихологии, детской и сравнительной психологии были широко признаны и оценены по достоинству ее современниками. Уже первая книга Ладыгиной-Котс привлекла внимание крупнейших ученых Европы. Э. Клапаред в «Архивах психологии» (1924. Т. XIX. С. 191–192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными фотографиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в Зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея в Москве г-жой Н. Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что г-жа Котс может скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

Профессор М. Гольдсмит в 20-х гг. подчеркивал, что работа Ладыгиной-Котс интересна

по точности, тщательности и неизменному старанию не упустить ни одного факта, не позволяя ни одному случайному обстоятельству исказить результаты опыта. К этим качествам следует добавить и то, как она входила в контакт с животными, никогда не прибегая к принуждению. Позднее Р. Йеркс (1936) отмечал: «Г-жа Котс — талантливейший наблюдатель, чуткий и хорошо эрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека. Этот том есть прежде всего иллюстрированный и описательный очерк эмоциональных выражений у шимпанзе и человеческого дитяти, и, хотя иллюстрации прежних томов г-жи Котс были великолепны по качеству и высокой научной ценности, настоящая серия иллюстраций превосходит прежние во всех отношениях. Они являются богатейшим источником поучения, очаровывающим внимание тех, кто занимается проблемами психобиологии».

В одном из изданий французской энциклопедии, писал Г.З. Рогинский (1948), данные Ладыгиной-Котс об эмоциях у обезьян ставятся рядом с данными из исследований «О выражении эмоций у животных и человека» Дарвина.

Л.Г. Воронин, Н.А. Тих и другие писали: «В России обезьяны были использованы впервые как объект изучения в 1912 году известной исследовательницей в области зоопсихологии Н.Н. Ладыгиной-Котс (Москва, Музей им. Дарвина). Как и другие пионеры, изучавшие приматов, она приобретала и содержала обезьян (макак и шимпанзе) на свои личные средства. Несмотря на ограниченные материальные возможности, Ладыгиной-Котс удалось добиться таких результатов, которые сделали ее имя одним из наиболее популярных среди современных приматоведов во всем мире.

В настоящее время немыслимо ни одно исследование по антропоидам и по общим проблемам дарвинизма, в которых можно было бы обойти молчанием эти выдающиеся работы,

Надежда
Николаевна
ЛАДЫГИНА-КОТС

Супружеская чета Котсов

охватившие вопросы морфологии, биологии и особенно поведения шимпанзе» (1948).

При изучении познавательных возможностей шимпанзе Иони в сфере восприятия и интеллекта был применен изобретенный Ладыгиной-Котс метод выбора на образец. Впоследствии этот метод получил широчайшее распространение, в том числе и в исследованиях (тестировании) взрослых людей и детей, но, к сожалению, мало кто из теоретиков эксперимента и практических психологов помнит имя автора этого метода. Ладыгина-Котс впервые применила его в 1913 г. Используя этот метод в экспериментах, проходивших с 1913 по 1916 г., Надежда Николаевна установила, что шимпанзе обладают способностью к отождествлению различных признаков предмета и к элементарной абстракции.

Дальнейший углубленный анализ поведения шимпанзе дал материалы для будущего сравнения с аналогичными, но не обезьяньими (принципиально по перспективам развития) проявлениями психической жизни ребенка. Необходимо уточнить: многие, даже весьма авторитетные психологи, читающие лекции студентам, убеждены, что Н.Н. Ладыгина-Котс «воспитывала» и наблюдала своего сына и шимпанзе в одно и то же время. Это неверно. С шимпанзе эксперименты были закончены по причине его смерти к 1915 г., а сын Н.Н. Ладыгиной-Котс и А.Ф. Котса Рудольф родился десять лет спустя, в 1925 г., и здравствует поныне, являясь научным сотрудником РАО.

В результате после многолетнего анализа дневниковых записей, документированных сотнями фотографических серий, выполненных мастерски А.Ф. Котсом, было проведено детальное сравнение особенностей свободного поведения шимпанзе и ребенка в возрасте от 1,5 до 4 лет. Написанная по этим материалам монография, изданная в 1935 г., принесла Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс мировую славу и была переведена на основные европейские языки. Главные выводы этой работы, прекрасно иллюстрированной в основном и

дополнительном томах и содержащей серии фотографий, таблиц, рисунков, показали, что на фоне многих сторон внешнего сходства поведения человека и шимпанзе, их выразительных движений, проявления некоторых инстинктов, звуков, подражания, схожести двигательных игр имелось существенное различие в отношении качества эмоций, характера игр (особенно конструктивных игр человека). Отмечено также раннее проявление способности к абстрагированию у 2–3-летнего ребенка, связанное со словом, развитием его речи. У ребенка, живущего в атмосфере социума, рано возникает символическое мышление.

Постоянно повторяемый вывод работ Ладыгиной-Котс таков: основные психические процессы человека (ребенка) и шимпанзе качественно различны.

Ладыгина-Котс не прерывала своей естественной исследовательской работы, продолжая наблюдения за поведением животных разнообразных видов в Московском зоопарке. Эта работа была начата ею еще в 1920 г. в связи с интересом исследовательницы к проблеме инстинкта. За три года она провела 30 000 опытов, обобщив результаты данной работы в монографии «Инстинкт».

Вопрос об орудиях у животных всегда вызывал огромный интерес. Дискуссия по этому поводу вспыхнула в конце 50-х — начале 60-х гг. Участниками дискуссии были антропологи, философы, психологи, отстаивавшие в споре с историком Б.Ф. Поршневым антропогенетическую значимость употребления орудий высшими обезьянами. Н.Н. Ладыгина-Котс в данной дискуссии была на стороне Я.Я. Рогинского, М.Ф. Неструха, Г.Ф. Хрустова и других, усматривавших в орудийной деятельности высших обезьян важнейший предпосылочный фактор антропогенеза, в противовес Б.Ф. Поршневу, который считал, что применение обезьянами вспомогательных средств — однопорядковое явление наряду с плетением пауками паутины.

Главнейшие результаты исследований, показавших, с одной стороны, значительность

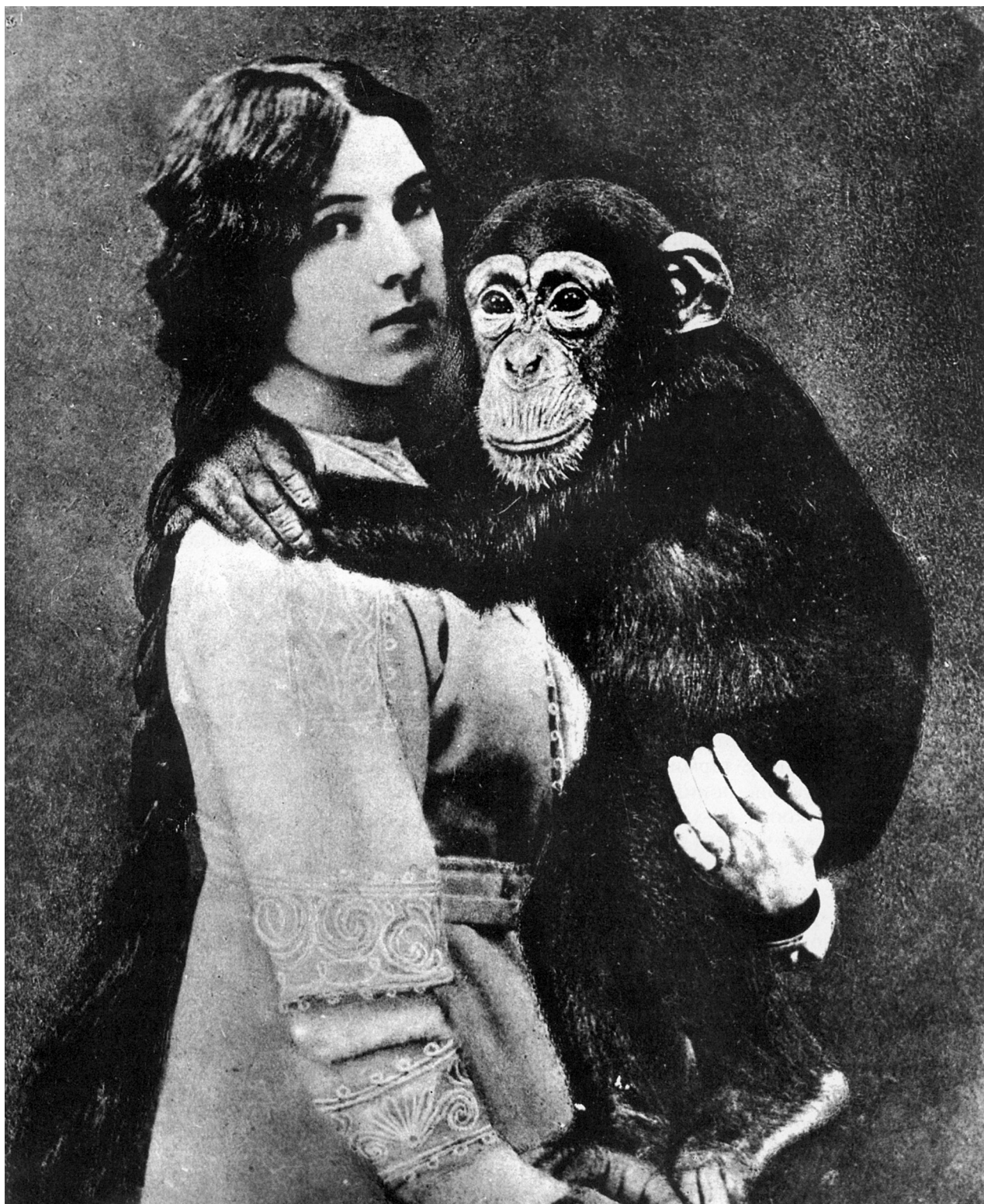
инстинктивной базы поведения шимпанзе, а с другой — огромные потенциальные резервы развития и появление совершенно новых, складывающихся в ходе индивидуального опыта форм реализации инстинктивного поведения, были представлены в книге «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959). История издания фундаментального труда характерна для того периода, когда научная литература подвергалась шаблонизации в процессе формального, идеологизированного редактирования. От момента завершения книги автором до ее издания прошло почти 10 лет. Это объясняется тем, что после сессии двух академий, ударившей по генетике в нашей стране, в область психологии стала активно, если не сказать агрессивно, вторгаться физиология высшей нервной деятельности (ВНД). Ее отдельные представители поняли свою общественную миссию в «материализации» психологии вообще и зоопсихологии в особенности. Это был острый момент борьбы за собственно предмет исследования в психологии. Возникли острейшие дискуссии между психологами и физиологами ВНД, в которых первые подчас шли на существенные терминологические и позиционные уступки, понимая, что общественная ситуация конца 40-х — начала 50-х гг. складывалась (в том числе и персонально) не в их пользу. Однако постепенно дискуссии начали приобретать более академический характер, стала исчезать «разоблачительная» тональность критики психологов. В это время в институте нормальной физиологии стал очень популярным интереснейшим методологический семинар под руководством П.К. Анохина и А.Р. Лурии. На философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Н. Ладыгина-Котс возобновила прерванные к началу 50-х гг. лекции по сравнительной психологии. При участии Института философии, Психиатрического общества, представителей Общества психологов, видных физиологов и зоологов стали проходить крупные конференции по

проблемам соотношения социальных и биологических факторов. В дискуссиях принимали участие А.Г. Спиркин, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский, А.А. Малиновский, Н.А. Бернштейн, С.Г. Геллерштейн, П.К. Анохин, А.Р. Лурия и многие другие.

Именно в этой атмосфере борения умов шла подготовка к изданию упомянутой выше книги Н.Н. Ладыгиной-Котс. Первую половину редакционного десятилетия рецензенты из числа представителей физиологии ВНД работали с Н.Н. Ладыгиной-Котс как с человеком якобы научно отсталым, которому просто необходимо почитать труды И.П. Павлова и ученых его школы для того, чтобы правильно (с позиции теории условных рефлексов) проанализировать и оценить полученные факты.

Н.Н. Ладыгина-Котс высоко ценила И.П. Павлова и его научный вклад, она не раз ссылаясь на его мнение, на данные, полученные им и его сотрудниками в экспериментах с обезьянами, но в собственной работе она оставалась психологом и натуралистом — российским последователем Ч. Дарвина. Именно с этой позиции Н.Н. Ладыгина-Котс преодолевала острую дискуссионность периода подготовки рукописи к изданию. Рецензенты с кругозором начинающего аспиранта наставляли ученого с мировым именем. Поучительные беседы длились по нескольку часов сряду при всегда неизменной доброжелательности и любезности Н.Н. Ладыгиной-Котс. Во время этих бесед рецензенты получали много полезного для своего научного и человеческого развития, и мысль о том, что перед ними «упрямый научный монстр из далекого допавловского прошлого», постепенно (я знаю это от ближайшей соратницы Надежды Николаевны — Н.Ф. Левыкиной) сменилась искренним уважением и почтением.

Безупречная объективность в оценке психологического значения получаемых фактов была характерной чертой Ладыгиной-Котс. К не менее важным свойствам ее натуры можно отнести стремление к взвешенности выводов, большая осторожность в их обобщении и твер-

Н.Н. Ладыгина-Котс с шимпанзе

дая верность своей позиции, убежденность в научной правоте. Эти качества Надежды Николаевны были бесценными: всегда, как бы ни складывались обстоятельства, вопреки любым нажимам со стороны, она оставалась при собственном мнении, умея отстаивать его в своих научных произведениях, многочисленных лекциях и докладах. Манера отпора у Надежды Николаевны неизменно свидетельствовала о ее деликатности, интеллигентности, компетентности и твердости духа, что также немаловажно, если учесть общественный резонанс научных дискуссий того времени.

Книга, о которой мы говорим, готовилась и вышла в свет в период работы Ладыгиной-Котс в секторе психологии Института философии АН СССР, куда она была приглашена в 1945 г. С.Л. Рубинштейном на должность старшего научного сотрудника. Именно С.Л. Рубинштейн и сотрудники возглавляемого им сектора, преодолевая зачастую немалые трудности, помогли Ладыгиной-Котс издать ее последние три книги в период с 1958 по 1965 г. Для нее работа в Институте философии значила очень многое. Здесь получили поддержку материалистические, первоначально во многом стихийные диалектические убеждения Ладыгиной-Котс. Здесь в 1953 г. ей был вручен орден Ленина, она была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Особой стороной бытия Н.Н. Ладыгиной-Котс было общение с людьми близкого ей круга, в который, помимо родных и давних знакомых, входили выдающиеся ученые, художники, писатели, режиссеры кино и театра, а также с более отдаленным окружением, к которому можно было бы отнести деятелей из числа организаторов и кураторов науки, медицины, литературы, различных областей искусства и т. д.

Обширная переписка и личное общение с зарубежными учеными составляют также замечательные страницы жизни Н.Н. Ладыгиной-Котс и ее мужа А.Ф. Котса. Научное общение этой замечательной четы с зарубежными

учеными было в первую очередь связано с основной целью их деятельности — созданием и развитием уникальных коллекций Дарвиновского музея в Москве.

В переписке с Томасом Гексли, внуком Чарлза Дарвина, Н.Н. Ладыгина-Котс принимала самое деятельное участие. Дарвиновский музей в те годы посетил известный американский ученый Роберт Йеркс, основатель приматологического центра и питомника обезьян во Флориде. Есть несколько фотографий, запечатлевших Н.Н. Ладыгину-Котс и Р. Йеркса в залах Дарвиновского музея на фоне стендов с экспонатами, представляющими разнообразные виды обезьян. Этих двух выдающихся ученых роднили общие тенденции в понимании роли опыта, приобретаемого животными в процессе научения. Р. Йеркс выдвинул понятие «идеация» для обозначения центрального компонента, определяющего успешность решения практической задачи. Работы Р. Йеркса никогда не подвергались существенной критике в ортодоксально материалистической среде постпавловской школы физиологии ВНД, но его учение об «идеациях» расценивалось как идеалистическое. Вместе с тем Р. Йеркс был куда более материалистичен, чем, например, те, кто некритично следовали мнению представителей гештальтпсихологии, почитавших инсайт в качестве исходной интеллектуальной способности, «заданной» свойствами восприятия.

Н.Н. Ладыгина-Котс была не только превосходным экспериментатором, но и теоретиком, пришедшим к выводам эпохального значения как для отечественной, так и для мировой психологии.

Под руководством Н.Н. Ладыгиной-Котс вокруг Дарвиновского музея складывалась московская школа натуралистов-естествоиспытателей. Эта школа была необыкновенно жизнеспособна, несмотря на все те трудности, которые в разные годы выпадали на долю музея, его обитателей и друзей. Трудности были самыми разнообразными. Но главные — это посто-

янный поиск средств на пополнение коллекций музея, ведение экспериментальной работы и борьба за новое, просторное здание музея.

Трудностей было немало и в годы войны 1941–1945 гг., и после нее. Я слышала, что в 1941 г. в острейший момент жизни страны и Москвы, когда начались бомбардировки, обсуждался вариант переноса коллекций музея, имеющих мировую ценность, в подвалы собора Василия Блаженного на Красной площади. Можно понять, что само предположение возможности сохранения сокровищ Дарвиновского музея в таком святом месте свидетельствует о большом уважении и поддержке музея со стороны московских властей, правительственных и академических кругов. В дальнейшем развернулась целая эпопея борьбы за строительство нового здания Дарвиновского музея. Искались средства, определялась строительная площадка. В годы пребывания у власти Н.С. Хрущева одну из предполагавшихся площадок отдали под строительство балетной школы Большого театра, что само по себе нельзя осудить. Но острое разочарование в самых, казалось бы, реальных надеждах на новое здание и реплика властителя, что, мол, пусть англичане сами строят Дарвиновский музей, как мне кажется, намного сократили дни жизни Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Может быть, именно благодаря чудовищным трудностям у людей воспитывались воля к их преодолению и жизненная стойкость научных мотиваций. Музей, представлявший в первую очередь супругами Котс, находясь подчас в бедственном положении, оказывал поддержку многим. Н.Н. Ладыгина-Котс не упускала никогда возможности поддержать своих учеников, коллег-ученых, сотрудников музея. Примером может служить судьба Н.Ф. Левыкиной, многолетнего друга и ассистента Н.Н. Ладыгиной-Котс. Автору этих строк Н.Н. Ладыгина-Котс предоставляла не только бескорыстное научное руководство, но и любовную поддержку интереса к эволюционной психологии, а иногда и кров Дарвиновского музея.

Н.Н. Ладыгина-Котс принимала самое деятельное участие в издании в СССР книг Яна Дембовского «Психология животных» и «Психология обезьян». Я. Дембовский с супругой неоднократно бывал в гостях у семейства Котс в Дарвиновском музее. В 1959 г. Ян Дембовский, посетивший нашу страну уже президентом Польской АН, вновь нанес визит Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Позволю себе рассказать курьезный случай, произошедший во время его визита. Я тогда проводила с 8-летним шимпанзе Султаном эксперименты по методике Ревеша, сотрудника лаборатории Клапареда. Шимпанзе должен был уловить «общий принцип» перемещения приманки в каждом последующем предъявлении в следующий по порядку ящик. Эта методика привлекла в свое время внимание А.Р. Лурии, который в опытах, проведенных совместно с А.Г. Поляковой, убедился, что указанную выше задачу могут решить только дети, да и то говорящие, т. е. 3–4 лет.

В моих опытах, часть из которых проводилась вместе с Д.Б. Богоявленской, шимпанзе никогда не мог от начала до конца действовать правильно.

И вдруг в присутствии Яна Дембовского и сопровождающей его лабораторной свиты обезьяна Султан во время всего опыта абсолютно безошибочно открывал те ящики, в которых была приманка. Дембовский и Н.Н. Ладыгина-Котс обсуждали этот эпизод, и фантастический результат шимпанзе был шутливо объяснен Надеждой Николаевной обаянием президента Польской АН.

Семейство Котсов и часть служащих Дарвиновского музея жили в помещениях непосредственно при музее. Н.Н. Ладыгина-Котс с мужем и сыном Рудольфом, а позднее и с семьей последнего занимали три комнаты внизу (столовая, комната Рудольфа, спальня Надежды Николаевны) и две комнаты вверх — кабинеты Александра Федоровича и Надежды Николаевны. Все эти апартаменты к моменту моего (школьницы-девятиклассницы) появле-

Новое здание Дарвиновского музея на
улице Дм. Ульянова

ния в музее в 1949 г. и вплоть до кончины Н.Н. Ладыгиной-Котс в 1963 г. имели весьма романтический вид. Музейные экспонаты находились в жилых комнатах рядом с огромным количеством книг, рукописей, картин, скульптур, которые отчасти принадлежали музею, отчасти семейству Котсов. Трудно было отличить музейную работу от повседневного, сведенного к минимуму быта этих высокоинтеллектуальных людей. Я никогда не видела Н.Н. Ладыгину-Котс занятой бытовыми делами. Она была женщиной, свободной для творчества. Как они жили, кто им готовил, кто убирал? По-видимому, все происходило как-то само собой наряду с вывариванием костей очередного экспоната и перестановкой музейных стендов. Эти люди действительно возвышались над бытом, и это возвышение было тем величе-

ственнее и духовнее, чем труднее было им жить. Они никогда не помышляли о комфорте в те трудные послереволюционные и послевоенные годы; в первую очередь они думали о музее и о продвижении идей Дарвина в современность с учетом реалий науки XX в. А.Ф. Котс любил повторять, что посетителями музея были не только ученые, студенты, школьники, но и рабочие, красноармейцы. Особенно умилял профессора случай, когда красноармейцы пожаловали в музей на его популярную лекцию о дарвинизме в конном строю. Замечательно, что и Александр Федорович и Надежда Николаевна приняли революцию, перевернувшую жизнь огромной страны и их собственную прежде всего как счастливое условие приобщения широких слоев населения к достижениям науки, и в частности, к дарвинизму. Просвети-

К.И. Чуковский в Переделкино. 1954 г.

тельство было еще одним большим делом их жизни. Такова сама суть музейной работы. Этим обстоятельством объясняется интерес к Дарвиновскому музею и внимание к его основателям со стороны ряда политических и общественных деятелей того времени (Н.К. Крупская, Ф.Н. Петров, А.М. Горький и др.), организаторов и деятелей науки, которые в разные годы поддерживали музей, посещали его, встречались с А.Ф. Котсом и Н.Н. Ладыгиной-Котс, вели с ними переписку. В трудные для музея времена Н.Н. Ладыгина-Котс обращалась с просьбой о поддержке к А.М. Горькому, который горячо откликнулся на ее призыв. Поддерживались также теплые отношения с К.И. Чуковским. В один из дней (в 20-е гг.) Н.Н. Ладыгина-Котс, проводившая наблюдения и эксперименты в Зоопарке, где в это время директорствовал А.Ф. Котс, привлекла внима-

ние прогуливавшегося там В.В. Маяковского. Поэт был потрясен ее красотой и серьезностью. Где-то среди его строк есть упоминание о красавице, которая, пристально наблюдая за зверьем, не обращает внимания на поэта. Как бы там ни было, но поэт и ученая дама обменялись письмами, как мне стало известно от Н.Ф. Левыкиной и Рудольфа.

С людьми мира искусства Н.Н. Ладыгина-Котс поддерживала теснейшие и весьма содержательные связи. Так, целая плеяда блестящих художников-анималистов и скульпторов на протяжении ряда десятилетий принимала участие в создании шедевров — картин и скульптур, посвященных жизни и деятельности Ч. Дарвина, ученых-предшественников и современников великого эволюциониста. Огромное число картин представляло собой различные сюжеты из эволюционного прошло-

го Земли и ее обитателей. Полотна иллюстрировали экспериментальные доказательства справедливости дарвиновского толкования происхождения видов, процессов адаптации животных к экологическим нишам своего обитания. Блестящая серия картин воспроизводила на полотне классические моменты опытов В. Келера, В.А. Вагнера, самой Н.Н. Ладыгиной-Котс с обезьянами и другими животными.

С каждым из художников Н.Н. Ладыгиной-Котс и А.Ф. Котса связывали долгие деловые и дружеские беседы, в ходе которых определялось содержание произведений, обсуждались особенности выразительных средств и композиции. Работа шла по материалам коллекций Дарвиновского музея. В творческих дискуссиях принимали участие приглашенные ученые, сотрудники музея. Замечательно участие Надежды Николаевны в процессе создания художественных полотен как знатока и консультанта в области типического поведения, запечатления его в рисунке и скульптуре. Не без влияния Н.Н. Ладыгиной-Котс происходило, например, становление удивительной способности В.А. Ватагина к запечатлению на холсте, в глине, в мраморе и бронзе главного и наиболее выразительного в позе животного. Огромный психологизм облика животного, отражение в нем его специфического внутреннего мира, достигаемого художественными средствами на основе тонкого знания видоспецифических движений торса, конечностей, хвоста, учета мимики и того, что дает каждому животному его жизненный опыт, т. е. черт индивидуальности — того, что постигалось не только собственной интуицией и знаниями, но и с помощью научных экскурсов в поведение животного со стороны Н.Н. Ладыгиной-Котс, которая неизменно доброжелательно, если не сказать любовно, относилась к художникам — соратниками и друзьям ее дома — Дарвиновского музея.

Интересными и полезными были связи музея и Н.Н. Ладыгиной-Котс с выдающимися операторами и режиссерами документального

кино. Так, у Н.Н. Ладыгиной-Котс неоднократно бывал А.М. Згуриди, большой мастер натуральных съемок в природе. Беседы Н.Н. Ладыгиной-Котс и ее сотрудников с ним и другими знатоками киноискусства (Орлов, Комаров и др.), а также просмотр различных киноматериалов о поведении животных в условиях дикой природы, в заповедниках, заказниках, зоопарках и в лабораторных условиях обогащали участников этих встреч. В самом музее к началу 60-х гг. сложилась богатейшая кинотека, включавшая фильмы о животных, полученные от отечественных и зарубежных операторов, а также сотни, если не тысячи метров кинодокументальной съемки экспериментов самой Н.Н. Ладыгиной-Котс с обезьянами, детьми. В просмотре, монтаже, систематизации всех этих материалов Надежде Николаевне неоценимую помощь оказывал ее сын Рудольф Александрович Котс. Я хорошо помню такую картину: мать и сын бок о бок около стола с кинопроектором, помещенным на свободном пятачке среди статуй доисторических животных, смотрят на экран, и Рудольф, повинаясь тихим указаниям матери, вновь и вновь прокручивает наиболее характерные кадры. Н.Н. Ладыгина-Котс была мастером детального покадрового анализа кино и фотоматериалов. Ее книги блестяще иллюстрированы собственными материалами и великолепными зарисовками художников-анималистов.

Нельзя не отметить также живой интерес Н.Н. Ладыгиной-Котс к возможностям дрессировки животных. Всегда равнодушная к театру (среди ее знакомых был А.Т. Зубов и другие артисты и режиссеры), она с особым вниманием относилась к Театру зверей В.Л. Дурова, а впоследствии к уголку Дурова, возглавлявшемуся его дочерью, А.В. Дуровой.

Н.Н. Ладыгина-Котс вместе с Бехтеревым принимала живейшее участие в обсуждении зоопсихологических исследований В.Л. Дурова, не только блистательного дрессировщика, но и ученого. Она всегда поддерживала идею создания при уголке Дурова зоопсихологиче-

Здание Театра зверей В.Л. Дурова

ской лаборатории, которая де факто там всегда существовала. Именно в уголке Дурова при Анне Владимировне Дуровой — талантливой актрисе-дрессировщице и ученом, участнице секции зоопсихологии Всесоюзного общества психологов (этой секцией руководила Н.Н. Ладыгина-Котс) — получили возможность вести свои исследования ученики Н.Н. Ладыгиной-Котс — К.Э. Фабри и М.А. Герд. Последняя прославилась свое имя в последующие годы как ученый, готовивший в космические полеты собак Белку и Стрелку, а также как автор ряда работ и монографий по теории и практике дрессировки.

В музее бывали писатели-анималисты: В. Бианки, Скребицкий, В. Песков, Онегов. Зоопсихологический кружок в музее посещали и маститые ученые, которые выступали с докла-

дами или участвовали в дискуссиях наряду со студентами и даже школьниками. Демократизм общения поддерживался высочайшей культурой и заинтересованностью участников. Именно с этого кружка начался интерес к зоопсихологии, приматологии, сравнительной психологии у К.Э. Фабри, М.А. Герд, В.С. Мухиной, С.Л. Новоселовой, З.М. Каминской, Г.Ф. Хрустова и других ныне известных антропологов, психологов и зоологов.

Результаты исследований Ладыгиной-Котс нашли широкое применение в прикладной практике и в деятельности ее учеников, работавших в области подготовки животных к использованию в космических исследованиях (М.А. Герд), охраны сельскохозяйственных угодий, предприятий и морских судов от грызунов (К.Э. Фабри и его ученица Н.Н. Мешко-

ва, успешно работающая над проблемами дикой фауны Москвы).

Огромное поле деятельности Н.Н. Ладыгиной-Котс, как я уже отмечала, не ограничивалось отечественными научными связями, но включало обширные международные контакты. Так сложилось, что Н.Н. Ладыгина-Котс в годы советской власти сама не бывала за рубежом. Относительно хрупкое здоровье и какие-то другие причины не позволяли ей непосредственно участвовать в многочисленных зарубежных психологических, приматологических и иных конгрессах и симпозиумах, от организаторов которых она неизменно получала приглашения и на которые она всегда откликнулась, посылая ответную благодарность и свои доклады, оттиски статей с их переводами. В этой трудной работе многие годы ей помогал блестящий переводчик-полиглот, внук Л.Н. Толстого, Сергей Сергеевич Толстой, который был большим другом семьи Котсов.

Зарубежная слава и признание Н.Н. Ладыгиной-Котс велики. Даже нынешнее поколение зарубежных ученых хорошо знает ее имя и классические работы Н.Н. Ладыгиной-Котс. Что же касается крупных зарубежных монографий по вопросам приматологии, детской психологии, сравнительной психологии, то в большинстве из них есть соответствующие ссылки, а некоторые содержат иллюстрации, заимствованные из трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, дочь пензенской земли, давшей России М.Ю. Лермонтова и В.Г. Белинского, и ученый, раскрывший свой талант в подчас благожелательной, но сложной атмосфере московского научного сообщества, сложившегося в первой половине XX в., является ярким представителем высокодуховного и образованнейшего слоя московской интеллигенции. Высокое человеческое достоинство, благородство личности, громадный труд и бесспорный научный талант сделали имя Н.Н. Ладыгиной-Котс уважаемым и ценным в Москве, России и многих странах мира.

Слова Н.Н. Ладыгиной-Котс, написанные ею в посвящении Р. Йерксу своей первой книги еще в 1923 г., стали провидческими: «Этим посвящением я хотела бы лишний раз напомнить, что лозунг интернационализма всего легче и прежде всего оправдывается в науке, в которой принципы свободы — в искании истины, равенства — в путях и формах ее выявления, братства — в единении ученых, — были и есть ее исконными принципами, отступление от которых ведет к деградации ее значения, к ее замиранию и гибели».

Сейчас российская психологическая наука живет и развивается во многом благодаря тем, кто заложил ее основы, в их числе Надежда Николаевна Ладыгина-Котс — московский ученый, гордость московского научного сообщества.

С.Л. Новоселова